

НАЗНАЧЕНИЕ

Я давно хотел написать об этом человеке. Не репался. Мне казалось, не готов. Знаю его много лет, пожалуй, с того дня, когда впервые оказался в театре. Память не сохранила имен персонажей, забыты диалоги действующих лиц. Но вот удивительное дело, как яркая лампочка, вспыхнувшая в пыльной занавешенной комнате, освещает мгновенно самые укромные уголки, так и игра этого актера не потускнела, не забылась с годами.

ИНОГДА вечерами он начинал внимательно рассматривать свои руки, будто что-то искал на них, грустно подмечая, как нервно пульсирует синяя вена. Тогда появлялось чувство усталости. Такое бывало обычно сразу после спектакля, когда все оставалось там, в полусовершенно зале с непривычными провалами кресел, быстро пустующем фойе, на сцене, где декорации сразу теряли свои «живые» очертания.

Требовалось время, совсем немного, чтобы отдохнуть. Обычно он ожидал, когда все уйдут из театра, выходил из вестибюля, где тускло горела дежурная лампочка, вежливо прощался с вахтершей.

Город ночью особый, непривычно безлюдный. Он шел по улицам. Старался не думать о театре. И не мог.

Ветер треплет края афиш. Если разглядеть мокрую от дождя бумагу, можно прочесть свою фамилию. Она на самом верху, там, где «народные» и «заслуженные». Когда-то жизнь театра и все, что связано с ней, казались далекими и нереальными, окруженными таинственным ореолом. Теперь по-другому. Связь? Нет, это не то слово. Ощущение новизны, постоянного открытия себя для других — никогда не проходило. Где-то в глубине души этим даже чуть-чуть гордился.

Театр ворвался в жизнь внезапно. Он как-то вычитал у Паустовского о праздничном, свежем ветре, который приносит зимней ночью запахи далеких широт, ярких, дурманящих цветов. К зениту плывет голубая заря, и подснежники нетерпеливо рвут снежный покров. Имя этому ветру — сорани и дует он раз за многие сотни лет. Такой вот ветер подхватил его и с тех пор несет по жизни, оставляя ощущение вечного праздника. Трудного праздника, с огорчениями, обидами, болью, но все равно праздника.

Начинался для него театр в начале сороковых годов в Москве, где он учился в

Народный артист республики Константин Адамов давно и прочно завоевал признание поклонников драматического искусства. Каждое новое его появление на сцене — это обязательно встреча с незаурядным и очень необычным героем, образ которого актер воплощает свежо и талантливо. Зрители, конечно, запомнили неподражаемого Сирано де Бержера, импульсивного и непокорного Пушкина, принципиального Лямина... Недавно Адамов предстал перед бакинцами в новом спектакле «Валентин и Валентина», где он очень ярко сыграл небольшую, но во многом значительную роль Прохожего.

Артисту Русского драматического театра им. Самеда Вургуня, лауреату Государственной премии республики Константину Адамову посвящается этот очерк.

Московском театральном училище. Это была отличная школа: В. Баталов (старший), В. Готовцев, Н. Свободин — люди, которые сделали так много для МХАТа. Из слов, которые ему там часто повторяли, он лучше всех запомнил, пожалуй, те, в которых говорилось о том, что спектакли должны заставлять зрителя думать и после того, как они окончились.

Тогда же пришлось работать в Центральном детском театре, из стен которого вышли в свое время А. Эфрос, О. Ефремов, Г. Товстоногов.

Потом Баку. БРТ — любимец бакинской публики, театр, который искал всегда что-то новое. Уже серьезно и навсегда. Это он понял не сразу, а просто в один момент почувствовал, что ему очень трудно представить себя вне своего театра. Понял и не удивился этому.

ГОДЫ, пьесы, роли. Очень многое запомнилось, лучше всех, конечно же, Сирано, Лямин, Пушкин. Личности совсем разные, и есть все же нечто общее, что объединило эти три характера. Я не ошибусь, если скажу, что это глубокое благородство души, ее незащищенность, способность с открытым забралом пускаться в путь.

И если Сирано принес с собой печальные и радостные воспоминания о юности, пронизанной солнечным светом книг о приключениях мушкетеров Дюма, то Лямин, словно мираж, который внезапно возник на пути и в котором можно рассмотреть себя не только, как актера, но и как человека.

Ну, а Пушкин...

— У каждого из нас свой Пушкин... Его мы проносим через всю жизнь. Я давно мечтал об этой роли, хотя, откровенно говоря, еще не сложился четкий абрис того образа, который я смог бы воссоздать. Мне повезло, мне повезло получить прямо из рук Вадима Коростылева

пьесу «Шаги командора». Чем больше я вчитывался в нее, тем яснее понимал, насколько это совпадает со многими моими мыслями. Я специально съездил в Ленинград, побывал в знаменитом доме на Мойке и, конечно, очень много читал: стихи, прозу, письма поэта.

Эта пьеса о последнем месяце жизни поэта стала рассказом о его судьбе, его личности, которая, как яркая звезда, пронеслась на поэтическом небосклоне. И мы, все, кто работал над пьесой, старались донести жар большого сердца поэта до зрителя.

Что же можно сказать об актере?

— В театре просто жить нельзя, надо жить театром. Театр не прощает просто привязанности, без любви горячей, страстной, заставляющей забыть обо всем. Поэтому я понимаю и уважаю тех мальчишек и девчонок, которые по несколько лет подряд поступают в театральные вузы и студии. Я верю, что ими владеют мысли не об аплодисментах и премьерах, а прочувственное желание человека, понимающего, что такое актерский труд, и тем не менее не изменившего своего стремления.

Для меня вся атмосфера, которой пронизан театр: от запаха свежих афиш до последней минуты перед началом спектакля, когда медленно гаснет свет и наступившая тишина наводит трепет, дорога безмерно. Наверное, теперь я понимаю, как это тяжело — проститься с театром навсегда.

ОН УМЕЕТ говорить, и тогда его надо внимательно слушать. Ловлю себя на том, что тон беседы давно задает уже он. Я захлопнул блокнот, где аккуратно записаны все вопросы, и мне остается только слушать. Говорят, сцена притупляет чувство прекрасного и человек, произносящий каждый день прекрасные монологи, давно уже не верит в них.

Это не так. Настоящее искусство вечно зеленое и живое дерево. Всю жизнь актер раздает себя по частям. Каждый спектакль уносит с собой частицу его души, но от этого он не становится беднее. Такая уж это штука — искусство: чем больше ты отдаешь людям, тем больше получаешь взамен.

— Появилось немало способных молодых людей. Им много удаётся, иногда они думают, что это остается всегда — то, что «от бога». Ошибаются! Талант, даже самый сильный и яркий, мучает только в долгой работе, общения и, главное, при чувстве вечной неудовлетворенности, поиске. Лениость — качество невозможное в хорошем актере. Как алмаз, даже самый крупный, приобретает цену лишь после шлифовки, так и от актера требуется много будничной черной работы, огромного напряжения сил, прежде чем медленно поползет занавес, представляя настроженному зрителю премьеру. Впрочем, юнцы, которые рвутся на сцену, этим не отпугнешь.

«3 АЖГИТЕ свет, откройте двери», — этот взволнованный призыв Лямина с подмостка театральной сцены стал в какой-то степени определяющим в жизни, творчестве народного артиста Азербайджанской ССР, лауреата Государственной премии республики Константина Адамова. В данном случае Лямин — герой пьесы А. Володина «Назначение», но, говоря вообще, это для него главный герой. Усталый, грустный, немолодой человек всю жизнь ищет ту верную ноту, которая поможет сделать отношения между людьми чистыми и светлыми, возвышенными и красивыми, лишенными мелких житейских дряг и никчемных склоков.

Он обращается со сцены к вступающим в жизнь молодым людям: «Тебе кажется все мишурным и затхлым, хочется свежего воздуха. Но и ты раскрой глаза, зажги свет и открой двери! Понимаешь ли ты, что находишься в комнате, где сразу погасили свет, и необходимо время, чтобы предметы, выплывая из темноты, приобрели привычные очертания. В этом твоё назначение, назначение человека, которому дана одна жизнь. Но это совсем немало, это очень много — одна жизнь. Сумей прожить ее так, чтобы твоё тепло грело других».

Р. ГУСЕВ

МОЛОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

г. Баку

1978